

Про Тбилисский театр марионеток слышали? В Грузии его так называют — театр Резо Габриадзе. Он и драматург, и художественный руководитель, и главный режиссер. Стоит ли после этого удивляться, что он еще и постановщик, и автор эскизов кукол!

Габриадзе вообще человек-загадка. В 10 лет собирался стать скульптором, брал уроки у замечательного педагога и человека Валико Мизандари (так зовут героя фильма «Миминьо», летчика — помните?). Очень рано увлекся литературой. Писал много. Так много, что когда однажды принял жестокое решение уничтожить все свои сочинения, рукописей набралось два больших мешка из под цемента. Участи тех цементно-литературных мешков не позавидуешь; они полетели в Куру. Но это не помогло. И потом было написано еще немало... Одних фильмов, снятых по его сценариям, наберется почти три десятка. В нескольких картинах он — художник-постановщик, а в музыкальном кукольном фильме «Сны Коджарского леса» — режиссер. В кино он работал с талантливейшими постановщиками — Георгием Даниелия, Эльдаром Шенгелая.

Биографию Резо Габриадзе надо бы описывать по главам. Глава первая — изобразительное искусство, глава вторая — литература, глава третья — кинематограф, четвертая — театр... Что пойдет за ними, пока неизвестно, но в расположении муз к нему уже сомневаться не приходится.

— А музыку вы не сочиняете?
— Нет. Но для меня музыка очень много значит. Когда я обдумываю новый кукольный спектакль, все начинается с музыки. Она идет сразу после общей идеи. В нашем театре работает очень хороший композитор Эдуард Исраелов, с которым мы легко находим общий язык. Он — человек высокой музыкальной культуры, современно мыслящий музыкант. Куклы и музыка нераздельны. Тем, кто занимается куклами, я бы посоветовал начинать именно с музыкального видения. Хотя некоторые обходятся так, без музыкального оформления. Я видел прекрасные постановки американского кукольника Эрика Басса. У него есть номера, построенные на музыке тишины. Но когда он обращается к звуку — это бесподобно!

— Кто еще из кукольников произвел на вас сильное впечатление?

— Немец Альбрехт Розер. Это вообще виртуоз. Как он работает — непонятно! Вероятно, так играл на своей скрипке Паганини. Кстати, Розера так и называют — «Паганини марионеток». Он был со своими куклами в Москве и мечтает приехать вновь.

— Почему вы выбрали марионеток, самую сложную ветвь кукольной семьи?

— По незнанию. Если б знал, как это трудно, испугался бы. Так что невежество иногда служит хорошей службой.

...В первый же час продажи билетов Тбилисского театра марионеток в Москве все было раскуплено, даже на поздние спектакли — в 22 часа. В крошечном зале (Малая сцена Театра на Таганке) нет места для дополнительных стульев — люди стоят в проходе, прижавшись к стене. Здесь собирается театральная Москва — известные критики, актеры, режиссеры. Эта требовательная, высветленная публика на спектакле не прячет своих слез, громко аплодирует, хохочет. А после спектакля много раз вызывает артистов, подолгу не расхаживает.

Посреди обычной сцены возвышается маленькая — кукольная, со своим задником, порталом и бархатным занавесом. На ней-то и развивались основные перипетии печальной истории говорившей птицы Бори по прозвищу Гадай, решившейся ограбить Коммунальный банк. Шутки шутками, но в финале бедного Бору убили подлым выстрелом, а после спектакля Габриадзе вышел к зрителям и сказал, что если каждый охотник, посмотревший «Осень нашей весны», сделает на один выстрел меньше, театр сочтет свою задачу выполненной.

А начался спектакль со смерти дедуш-

ки. Семь минут полной тишины, и в этой абсолютной тишине зритель не может оторвать глаз от куклы. Мы видим утро старого шарманщика, его усталость, его заботы. Старик приводит в порядок шарманку, снимает с головы ка-балахи (головной убор в виде накидки), надевает парусиновую кепку. Семь минут спичечного времени без единой реплики! Это высочайший класс актерского мастерства, даже в «человеческом» театре редкий актер способен на это. Зал взрывается аплодисментами.

— В чем притягательность кукольного театра?

— Может, в ностальгии по детству, что проступает в нас с годами. С какого-то возраста человек забывает мир кукол, цветных стеклышек и других сокровищ, с которыми мы когда-то не расставались. У девочек это бантики, фантики, у мальчишек — старые гильзы, железки, подшипники.

Воскресные
ВСТРЕЧИ

КУКЛЫ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

У нас в гостях заслуженный деятель искусств Грузинской ССР
Резо ГАБРИАДЗЕ

— Что навело вас на идею создать в Тбилиси театр марионеток?

— Этим видом искусства я увлекся давно, но по-домашнему: для себя, для близких друзей. Писал для марионеток и разыгрывал крошечные спектакли. Театр марионеток — синтез разных искусств: литературы, режиссуры, изобразительного искусства и мастерства актера. И вот как-то давно, лет 15 назад, сидели мы в скверике с известным мультипликатором Юрием Норштейном. Мы были молоды, светило солнце, и я показал ему своих кукол.

Норштейн — человек импульсивный. Он восхитился, и его восхищение укрепило меня в том, что этим стоит заняться все-раз.

Норштейн — феноменальный мастер! Как он делает свои чудеса в кино, трудно представить. Габриадзе надеется уго-

ворить его поставить что-нибудь в своем театре.

— Я читала, что вы планируете постановку «Вешних вод» Тургенева, произведение Пушкина. Неужели это по силам марионеткам?

— Стал думать, что можно поставить с куклами, как превратить в музыку, решить в цвете. Очень хотел сделать «Модарта и Сальери». Но потом, когда вошел в этот океан сокровищ все глубже и глубже, тебя просто захлестывает, ты захлебываешься от тем. А быстро не получается. Пока у нас идут всего три спектакля — «Альфред и Виолетта», «Бриллиант маршала де Фантье» и «Осень нашей весны».

— В тот день, когда ваш театр начал гастролировать в Москве, в столицу прибыли гости из Италии. Первое, что они сказали, сойдя с самолета в Шереметьево: «Мы знаем, что у вас выступает театр Резо

частица той всеобщей любви, что правит миром.

— Не кажется ли вам, что в наше время ощущен некоторый голод романтических чувств?

— По-моему, даже избыток. Ваш читатель молодой и, думаю, мне, он лучше разбирается в этом.

— На ваших спектаклях я впервые пожалела, что не понимаю по-грузински: в них многое рассчитано на знание языка, грузинского фольклора, всей национальной культуры...

— К сожалению, это так — видимо, без потери не обойтись. Читая архангельского писателя Бориса Шергина, думаю: как обидно, что его нельзя перевести равноценно на грузинский!

Выезжая со спектаклями за пределы нашей республики, мы понимаем, что зрителю мешает языковой барьер, но, к сожалению, не все можно перевести. Да и голоса! У нас огромное значение имеют голоса. Куклы озвучили лучшие грузинские актеры: Эроси Манджгаладзе — любимец всей Грузии, не только театральной; Рамаз Чхиквадзе — кумир современного грузинского театра. О Рамазе Чхиквадзе я могу долго говорить. Это актер абсолютный, вершина современного грузинского актерского мастерства! Куклы говорят голосами легендарной Верико Анджапаридзе и Наны Пачуашвили.

— Профессия актера привлекает многих молодых людей тем, что им хочется быть на виду. Ваши актеры остаются во время спектакля невидимыми и неслышимыми — мы видим только кукол. Их это не разочаровывает?

— Не думаю, что те, кто приходит на сцену, чтобы показать себя, станут настоящими артистами. В лучшем случае из них выйдут «сезонники», бабочки-однодневки. Истинного актера выводит на сцену тайна творчества. Видимо, та же сила искусства руководит и нашими актерами.

Наш разговор вращался в основном вокруг театральных тем — естественно, он шел в фойе, в перерыве между двумя спектаклями, семичасовым и десятичасовым. Я находилась под влиянием увиденного, Габриадзе, видимо, уже настроившись на следующий спектакль.

— А как же кино? Надеюсь, вы не бросаете кинематограф?

— Уже 10 лет, как я не пишу сценарии. Исключение — «Киндза-дза». Мы писали его совместно с Георгием Даниелия, кстати, первоклассным кинодраматургом. С Даниелия меня связывает большая творческая дружба. Я многим ему обязан, в начале своего пути многому у него научился. Если когда-нибудь решу сделать что-то для кино, то только с ним. Но внутренне я уже ушел из кинематографа давно. Трудно совместить кино с куклами. Видимо, кино — дело молодое. Пусть им занимаются молодые.

— Грузинская кинематография — одна из самых ярких, талантливых в нашей стране. В чем феномен грузинского кино?

— Кино синтезировало общую грузинскую культуру. Ее основа — наша национальная литература, поэзия и та высокая театральная культура, что всегда была в Грузии и так сильно сконцентрировалась в великом Коте Марджанишвили. Он не только указал пути театрального развития, но и определил дальнейшую судьбу грузинского кино.

До начала спектакля оставалось совсем недолго. Пора заканчивать. Через несколько минут Резо Габриадзе выйдет в забытый до отказа зал и скажет: «Дорогие друзья!..»

С. НОВИКОВА.

1 ИЮНЬ 1986
МОСКОВСКИЙ КОЛОКОЛ
МОСКВА